

Научная жизнь
Academic Life

DOI: 10.31857/S020596060010887-7

**НАУЧНОЕ ЛИДЕРСТВО И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ (ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА)**

ДУШИНА Светлана Александровна — Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5; E-mail: sadushina@yandex.ru

КУПРИЯНОВ Виктор Александрович — Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5; E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

30 октября 2019 г. в Санкт-Петербургском филиале ИИЕТ РАН в рамках Школы социологии науки и техники им. С. А. Кугеля состоялся круглый стол, посвященный анализу социального феномена научного лидерства. Мероприятие явилось частью проекта «Научное лидерство и особенности его трансформации в условиях становления инновационной экономики в постсоветских странах (на примере России и Беларуси)», поддержанного РФФИ и БРФФИ. Выбор темы для обсуждения во многом был обусловлен современной политикой российского государства, сделавшего ставку на лидерство в области науки, технологий и образования. Дело в том, что современная наука как социальный институт по производству нового и достоверного знания носит агональный характер и предполагает борьбу между учеными за символический

капитал — признание и первенство. В последнее время конкурентоспособность и борьба за лидерские позиции формулируются на уровне национальных академических систем и ставятся во главу угла государственной научной политики. В этой связи представляется важным понять, чем обусловлен разворот российского государства в сторону такого рода политики и есть ли у нее реальная почва, ведь десятилетия недофинансирования исследований, утечка мозгов не могли не сказаться на научной инфраструктуре, на состоянии исследований и разработок. Предметом дискуссии на заседании стали вопросы о природе научного лидерства, о социальных механизмах, способствующих формированию фигуры лидера, об основаниях новой политики государственного управления, в которой заложена идея эффективности

и конкурентоспособности. Обсуждаемые вопросы предполагали совмещение теоретического, историко-научного и социологического подходов, что проявилось в смысловой развертке проблемы от уровня обобщения, философского осмысления проблемы к конкретным «персоналиям научного прогресса» (*case study*) и затем к оценке современных мер российского правительства, взявшего курс на глобальное лидерство.

Первый блок выступлений фокусировался на аналитической разработке понятия научного лидерства. Заведующий отделом «Музей-архив Д. И. Менделеева» Музейного комплекса СПбГУ И. С. Дмитриев в выступлении «Феномен научного лидерства: условия и опасности» типологизировал научное лидерство (индивидуальное, коллективное и национальное) и определил его условия, к которым отнес, во-первых, наличие конкуренции между отдельными учеными и / или научными коллективами при условии тематической общности проводимых ими исследований; во-вторых, необходимость схожих критериев оценки и сопоставимости результатов, генерируемых разными конкурирующими группами (индивидами); в-третьих, существование консенсуса в научном сообществе относительно значимости научного / научно-практического результата, на основе которого может сформироваться феномен лидерства. Особенное внимание было уделено прояснению природы этого социального явления. Подчеркнуто, что понятия «лидер» и

«первооткрыватель» не всегда совпадают, потому что лидерство связано с эффектом накопленного преимущества и лежит в сфере пролиферации научных идей и методов, так что первооткрыватель как носитель приоритета не обязательно становится лидером. Эта мысль была проиллюстрирована примером из истории физики. После открытия В. К. Рентгеном излучения, названного его именем, М. фон Лауэ обнаружил дифракцию рентгеновских лучей на кристаллах, после чего У. Л. Брэгг дал теоретическое описание этого явления (формула Брэгга – Вульфа), а затем П. Дебай и П. Шерер на этой основе создали метод рентгеноструктурного анализа. Каждый из названных ученых может считаться первооткрывателем в своей области. Но каждый из них, кроме У. Л. Брэгга, получив важные результаты, затем обращался к иным проблемам. И только У. Л. Брэгг и его отец У. Г. Брэгг стали применять рентгеноструктурный анализ для исследования широкого круга кристаллов, а затем Брэгг-младший заинтересовался структурой белков и сформировал исследовательскую группу, которая обогатила науку важными результатами и долгое время была лидером в изучении структуры белков рентгеноспектральными методами.

Дмитриев обозначил опасности, связанные с феноменом лидерства. К таковым он отнес лидерскую стратегию «догнать и перегнать». При определенном разрыве между лидером и вослед ему идущими догнать его уже практически

невозможно, но можно «обойти», т. е. найти иной подход (иной метод, иные объекты исследования и т. п.), чтобы в итоге вырваться вперед. Это было пояснено на примере с изучением электричества во второй половине XVIII — самом начале XIX в., когда лидирующее положение занимали французские исследователи, тогда как англичане сильно отставали. Но благодаря открытию индукции, т. е. новой исследовательской области, а затем созданию электромагнитной теории Дж. К. Максвеллом Англия в изучении электричества и магнетизма выбилась в лидеры. Иными словами, прямая гонка за лидером (по той же колее) часто оказывается бесперспективной. Другая опасность связана с ситуацией, когда на лидерство претендуют научные коллективы, во главе которых стоит ученый, организаторские способности которого намного превышают творческие.

На экспликацию социальной, коммуникативной природы лидерства был направлен доклад заведующей кафедрой философии науки и техники Института философии СПбГУ Л. В. Шиповаловой «Коммуникативная природа лидерства в науке». Докладчик отталкивалась от идеи, согласно которой научное лидерство, трактуемое в социологическом ключе, может быть рассмотрено через коммуникативную природу. В этом контексте лидер, создающий инновацию, имеющий последователей своей идеи и сторонников ее практического воплощения, с необходимостью

включается в различные взаимодействия: с коллегами по научному цеху, в общение с учениками, которое объединяет образование и исследование, в междисциплинарную коммуникацию, являющуюся содержательным основанием научной новизны. Коль скоро инновационность предполагает воплощение научных идей и применение результатов исследовательских практик, необходимо дополнение академической и преподавательской коммуникации взаимодействием административным. Последний вид коммуникации лидера связан с легитимацией исследований и реализуется в общении — в экспертной деятельности, научной популяризации, при обсуждении метанаучных проблем. Шиповалова указала на определенную проблему, скрывающуюся в многообразии такого рода коммуникаций, — эти роли должны каким-то образом объединяться, а коммуникации пересекаться. В противном случае различные коммуникативные роли будут принесены в жертву одной из них: либо ученого с большой буквы, либо успешного администратора, либо известного популяризатора. Несмотря на соблазн признать незначительность для ученого всех остальных ролей, кроме участника научной работы, такой вариант остается проблематичным, поскольку даже без публичной научной коммуникации лидер с необходимостью включается в междисциплинарное взаимодействие и образование, что уже создает многообразие. В докладе внимание было сосредоточено на такой коммуникативной

стратегии, которая избегает как редукции всей деятельности лидера к одной главной роли, так и «растворения» ее в многообразии. При этом Шиповалова использовала социологическое понятие «пограничного объекта» (*boundary object*), служащего организации различных социальных порядков, и привела примеры пограничных объектов, способных объединить коммуникацию в науке и различные направления научной коммуникации, в том числе с администрацией. В заключение она отметила, что научный лидер определяется посредством его способности конструировать или обнаруживать пограничные объекты.

Идея коммуникативной природы лидерства как специфической модели научной коммуникации была развернута в выступлении С. В. Шадчина (компания *Murano Software*), который предпринял попытку сформулировать «рецепт» научного лидерства. Для экспликации специфики науки как коммуникативной системы был использован информационный подход к истории (А. Бард). По мнению Шадчина, коммуникации в мире модерна однонаправлены и образуют ориентированное дерево (однонаправленный граф без циклов), естественным образом порождающее иерархию. Социальный порядок науки модерна основан на допущении единого центра, обладающего мандатом на декларацию истины. С возникновением интерактивности коммуникация перестает быть однонаправленной и даже допускает цикличность, т. е. она

претерпевает резкий интенсивный и экстенсивный рост. Возникает множество акторов, которые претендуют на роль источника истины. Поэтому необходимость в едином источнике истины исчезает, монополия на истину у науки оказывается отозванной. Этот социальный порядок науки можно обозначить термином «постнаука». Следствием появления интерактивности является становление аттенционализма: любой субъект коммуникации получает рейтинг по формуле «*attention* = известность × доверие». В итоге выступающий заключил, что лидером в эпоху аттенционализма становится коммуникатор с наивысшим рейтингом. Взаимодействующие субъекты, глобально образуя единую сеть, оказываются разбиты на подсети (субкультуры, по А. Барду) с более плотным взаимодействием внутри, чем снаружи, так что возникает естественная конкуренция между субкультурами. С этой точки зрения постнаука становится одной из субкультур, и рецепт лидерства сводится к двум рекомендациям: 1) переход от односторонней коммуникации к двусторонней, 2) интеграция и коллаборация с высокорейтинговыми субкультурами.

Завершило первый тематический блок выступление руководителя Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров Института социологии НАН Беларуси М. И. Артюхина, который привлек внимание к новой социальной роли науки и научного лидерства в условиях современного академического капитализма. Он обратил внимание

на роль фондов как социальных институтов, деятельность которых направлена на поддержку лидеров. Согласно представленным данным, Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований за свою относительно недолгую историю внес существенный вклад в формирование в Республике Беларусь сообщества научных лидеров. Так, больше половины поддержанных БРФФИ грантополучателей стали докторами и кандидатами наук, создателями научных школ и научных институций. Артюхин указал, что фонд является эффективным средством воспитания нового научного этоса — «когнитивного предпринимателя», что тем самым способствует проникновению на микроуровне (на уровне отдельных ученых и малых социальных групп ученых) нового социально-экономического уклада науки, чаще называемого современными исследователями академическим капитализмом.

Второй тематический блок объединил выступления историко-научного характера, когда на примере определенных творческих биографий ученых — героев научного прогресса пояснялась социальная механика научного лидерства в различных исторических контекстах. Т. В. Чумакова (СПбГУ) в выступлении «Научный лидер в контексте идеологии: Н. М. Маторин — ученый и политик» представила Николая Михайловича Маторина (1898–1936) как исследователя высокой профессиональной компетенции в области религиоведения и отметила его лидерскую роль в разработке

этнографической науки и «живой религии». Было показано, что ученый сочетал в себе качества когнитивного и организационного лидера — Маторин был последним директором Музея антропологии и этнографии перед его слиянием с Институтом этнографии и антропологии АН СССР и первым директором этого института. Его исследовательская и профессиональная деятельность переплеталась с агитационной, пропагандистской и партийной работой, которая была, по мнению Чумаковой, его сознательным выбором и способствовала научной карьере. Вместе с тем политические обстоятельства, внешние по отношению к науке, но в некоторые периоды истории ее определявшие, прервали не только его карьеру, но и жизнь.

Т. И. Юсупова (СПбФ ИИЕТ РАН) в выступлении «Диссонансы научного лидерства в академической среде 1940–1950-х годов (на примере И. А. Ефремова)», исходя из определения научного лидерства как научной деятельности, предполагающей, во-первых, когнитивное влияние ученого на научное сообщество и, во-вторых, умение использовать рациональные механизмы для реализации инициированных им идей, рассмотрела организационную деятельность одного из видных советских палеонтологов. Исследователь сделала акцент на второй части определения лидерства, на выявление личностных качеств, используемых механизмов и инструментов, сформировавших менеджерскую эффективность в контекстах

советской академической науки 1940-х гг. Она детально проследила действия Ефремова по подготовке его самых известных Монгольских палеонтологических экспедиций 1946–1949 гг. и убедительно показала, что ему пришлось преодолеть избыточный бюрократизм советской системы организации науки, вступить в сложные отношения с управленческой структурой Академии наук и государственных учреждений. Успешность и эффективность Ефремова как менеджера этих больших проектов определялась имеющимся у него набором необходимых инструментов: знанием структуры управления наукой, ее административных и социальных механизмов, а также личными научными коммуникациями. Если до начала Монгольских экспедиций Ефремов был авторитетным ученым, крупным специалистом в своей отрасли знаний, то по их результатам стал признанным научным лидером в области палеонтологии позвоночных.

Другим фокусом доклада был вопрос о влиянии лидерской успешности на дальнейшую академическую карьеру ученого. На основании анализа его личностных качеств и воссоздания контекста функционирования академического института Юсупова высказала мнение, что Ефремову, человеку независимому и открытому, было несвойственно адаптироваться к изменяющимся внешним обстоятельствам и настраивать необходимые деловые коммуникации. Диссонанс между независимостью в принятии решений в роли руководителя

экспедиций и зависимостью от чужой воли в качестве заведующего лабораторией стал причиной напряженности в его отношениях с руководством Палеонтологического института и в целом сказался на формировании неблагоприятной среды для продолжения его монгольских проектов. Итогом такого «невписывания» в ситуационные контексты стал уход Ефремова из Палеонтологического института и полное погружение в другой род деятельности — литературный, в котором он стал одной из знаковых фигур научной фантастики XX в.

Третий блок выступлений был сфокусирован на анализе современных научных политик и новых принципов управления исследованиями (*new public management, NPM*), в которых заложена идея эффективности и конкурентоспособности. В. А. Куприянов (СПбФ ИИЕТ РАН) в своем выступлении поставил задачу обозначить основные черты современной системы организации науки и образования в США как наиболее влиятельной в мире в условиях глобализации. Специфика современной организации науки в США выражается в понятии «академический капитализм», которое означает смену режимов знания, переход от «публичного блага» к «частному», когда наука как социальный институт начинает рассматриваться как исключительно сфера реализации личных интересов. Выступающий обстоятельно остановился на правительственной политике США, следствием которой стала активная коммерциализация университетов.

Был перечислен ряд законодательных актов Конгресса, принятых с 1980 по 1994 г., не только упрощавших получение прибыли от коммерциализации научных разработок за счет федерального финансирования, но и направленных на стимуляцию американских научных организаций к коммерческой деятельности и, в конечном счете, к переходу на работу по модели бизнес-организаций. При этом Куприянов отметил, что государство выступило катализатором предпринимательской активности, узаконив тем самым запрос, так или иначе исходивший от самих университетов. В результате целенаправленной поддержки университетских предприятий и университетских лабораторий, специализирующихся на разработках в интересах рынка, сформировались практики научного предпринимательства, которые все больше берутся на вооружение в научной политике современных государств. Период зарождения академического капитализма оказался также и временем активного внедрения в образование нового публичного управления — *NPM*. Смысл этой управленческой стратегии Куприянов усматривает в распространении на научные и образовательные институты принципов, характерных для рыночных предприятий: поощрение конкуренции, комерческие методы оценки эффективности, оплата труда на основе достижений, краткосрочные трудовые контракты. Все эти обстоятельства приводят к стиранию грани между рынком и научной деятельностью, что означает

включение научных организаций в систему капиталистических отношений. Данный факт можно рассматривать в качестве беспрецедентного события в социальной истории науки. В заключение было подчеркнуто, что введение рыночных подходов в практики академической жизни и академического труда обуславливают формирование нового этоса ученого: индивидуального «когнитивного предпринимателя», находящегося в постоянной конкурентной борьбе со своими соперниками за лидерство, понимаемое в смысле рыночной эффективности.

Тема рецепции академического капитализма и новых управленческих практик в российской научно-образовательной среде была развита в совместном докладе руководителя Центра социолого-наукоеведческих исследований СПбФ ИИЕТ РАН С. А. Душиной и аспирантки факультета социологии СПбГУ А. В. Камневой. Было отмечено, что, в отличие от США, академический капитализм в российской научно-образовательной среде — вещь чужеродная и инокультурная, ввиду определяющей роли государства при слабой развитости рынка, а также в целом административно-командного способа управления. Было обращено внимание на то, что рыночные механизмы вводятся централизованно и искусственно. Первым шагом в институциональных изменениях, обусловленных менеджериализмом, стала дифференциация научно-образовательной среды (статусные университеты, инновационный центр Сколково,

научно-образовательные центры), напоминающая европейскую *«excellence initiative»*. Так, благодаря централизованной политике были созданы крупные университеты с дополнительным финансированием, находящиеся в более выгодных условиях в сравнении с другими институтами. Именно им государство отдало роль основных игроков и национальных лидеров в конкуренции с мировыми университетами. Такого рода искусственная политика, казалось бы, необходима, но в то же время рискованна потому, что всегда возникает вопрос — а те ли институты выбраны?

Следующим шагом на пути к лидерству стало стремление войти в топ сотни лучших университетов мира согласно трем мировым рейтингам («5 — 100»). В результате только один университет, МГУ, вошел в два мировых рейтинга. В этой ситуации совершенно очевидно, что наука — это не просто поиск истины, но и конкурентная борьба с целью установить преимущества, недоступные конкурентам для того, чтобы их превзойти. Играя по чужим правилам, навязанным доминирующими игроками, невозможно достичь лидерских позиций. При этом отмечалось, что наукометрическая политика сформировала ложное целеполагание, когда метрики как средство измерения исследовательской активности превратились в цель исследовательской деятельности. Упускается из вида, что за университетами, которые оцениваются в глобальных рейтингах, стоят отдельные ученые и научные группы. Авто-

рами были представлены результаты опроса, проведенного в рамках реализации данного проекта, направленного на изучение институциональных изменений в научно-образовательной среде. Полученные данные свидетельствуют о специфическом облике российского академического капитализма с «высоким уровнем бюрократизации» (вместо научного менеджмента), «плохим финансированием» и низкой активностью бизнеса. В заключение было высказано мнение, что в перспективе достижения конкурентоспособности и лидерства следует сместить приоритеты — с попадания в рейтинги на улучшение условий исследовательской работы.

По завершении выступлений и дискуссий были подведены итоги круглого стола. Научное лидерство — явление социальное, признание значимости когнитивного результата научным сообществом является необходимым, но не достаточным условием. Лидерство формируют социальные механизмы, гетерогенные коммуникации, способность устанавливать влиятельные связи, «нейтрализовать» конкурентов. Кроме того, культурная среда и политические контексты также оказывают существенное влияние на формирование фигуры лидера. Лидерство таит в себе определенные риски. Так, стремление «догнать», характерное для стран научной периферии, зачастую оборачивается еще большим отставанием. Простое копирование у стран-лидеров научного развития престижных направлений исследований и организационной структуры

управления наукой приводит к неэффективным затратам. В этой связи представляется актуальной мысль, высказанная четверть века назад белорусскими учеными Г. А. Несветайловым и И. Н. Шарым: «Разнообразные фонды, технопарки, технополисы, гранты, контрактная система найма, интеллектуальные биржи — все эти элементы научной инфраструктуры окажутся недейственными, если не станут частью цельной концепции научно-технической политики данного государства.

Стратегия, направленная на выход страны из научной периферии, должна учитывать опыт центра, но быть основана на конкретной экономической ситуации и социокультурных традициях. Иначе высока вероятность, что страны СНГ надолго сохранят состояние науки, не соответствующее ни потребностям молодых независимых государств, ни мировому уровню»¹.

¹ Несветайлов Г. А., Шарый И. Н. Центр и периферия в науке // Вестник РАН. 1993. Т. 64. № 4. С. 310.